СТАТЬИ / ARTICLES

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

С. С. Аванесов

Томский государственный педагогический университет, Россия
iskiteam@yandex.ru

Статья посвящена исследованию основных антропологических параметров городского пространства. В основание исследования положен гуманитарный подход в урбанистике. Согласно указанному подходу, город представляет собой специфический, сложный культурный конструкт, воплощающий в своём материальном «устройстве» фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей. Это воплощение имеет «двусторонний» характер. Визуальная организация городского пространства, с одной стороны, фиксирует культурные смыслы, ценности, мифы и приоритеты; с другой стороны, она продуцирует определённые эмоции, организует конкретное целеполагание, влияет на жизненную стратегию человека и его повседневную активность, предписывает человеку нормы и ориентиры. Эта двоякая функциональность города закреплена в визуальных знаках и маркерах. Любой материальный объект, входящий в «ткань» городской среды, может быть прочитан как такой знак или маркер. Изучение «человеческих» параметров городского пространства должно происходить в перспективе сближения семиотики и урбанистики в общем контексте антропологического знания; это позволит понимать и формировать городскую среду обитания как сферу коммуникативного праксиса горожан. В статье рассмотрены три фундаментальных принципа организации городской среды: пространство, время и ценности. Эти принципы выражают собой основные параметры человеческого существования: неравномерную протяжённость материальной телесности (различные смысловые интенсивности), историчность бытия (присутствие прошлого и будущего в настоящем) и нормативность (ценностные ориентации). Практическая аксиология городских пространств формирует отдельные локусы таким образом, чтобы в масштабе общего пространства города они могли стать пространствами солидарности и соучастия. Ценности социальной памяти, национальных традиций, культурной истории, гражданской идентичности, личной жизни, конструктивного развития (посредством культурной аккумуляции смыслов) ориентируют деятельность горожан на такую солидарность как интегральную цель. Названные ценности способны объединять как простых горожан, так и работников городских администраций в их деятельности по визуальному конструиро-

ванию городского пространства. На этом пути может быть преодолен известный контраст между планомерной «кибернетической» деятельностью администраций и стихийным творчеством жителей. Такой путь ведёт к коллективной городской *аскетике* – к заботе о городе как общем «теле» его жителей. Городское пространство, переживаемое как антропологический, а не физический феномен, представляет собой визуально структурированную сферу человеческих коммуникативных практик. В результате таких практик складывается общая биография города и его обитателей.

Ключевые слова: город, городская среда, визуальная семиотика, аксиология, гуманитарная урбанистика, коммуникативные практики, антропология города, пространство, время, ценности.

URBAN SPACE AS ANTHROPOLOGICAL PHENOMENON

Sergey Avanesov

Tomsk State Pedagogical University, Russia
iskiteam@yandex.ru

The article is devoted to the study of the main anthropological parameters of urban space. The basis for this study is the humanitarian approach in urbanistics. According to this approach, the city is a specific, complex cultural construct, embodying in its material “arrangement” the fundamental aesthetic, social and philosophical attitudes of people. This embodiment has a “two-way” character. The visual organization of urban space, on the one hand, captures cultural meanings, values, myths and priorities. On the other hand, it produces certain emotions, organizes a specific goal setting, affects a person’s life strategy and his daily activity, prescribes norms and guidelines for the person. This dual functionality of the city anchored in visual signs and markers. Any material object that enters the “fabric” of the urban environment can be read as such a sign or marker. The study of the “human” parameters of the urban space should take place in the perspective of convergence of semiotics and urbanistics in the general context of anthropological knowledge. This will allow to understand and form the urban habitat as a sphere of communicative praxis of the townspeople. The article considers three fundamental principles of organization of the urban environment: space, time and values. These principles express the basic parameters of human existence: the uneven extent of material corporeality (different semantic intensities), the historicity of being (the presence of the past and the future in the present), and normativity (value orientations). Practical axiology of urban spaces forms the separate loci in such a way that, on the scale of the general space of the city, they can become spaces of solidarity and complicity. The values of social memory, national traditions,

cultural history, civic identity, personal life, constructive development (through the cultural accumulation of meanings) orient the activity of citizens on such solidarity as an integral goal. These values can unite both ordinary citizens and city government officials in their activities in the visual construction of urban space. On this path, a certain contrast can be overcome between the planned “cybernetic” activity of administrations and the spontaneous creativity of the inhabitants. This path leads to the collective urban *asceticism* – to caring for the city as the common “body” of its inhabitants. Urban space, which is perceived as an anthropological and not a physical phenomenon, is a visually structured sphere of human communicative practices. As a result of such practices, a general biography of the city and its inhabitants develops.

Keywords: city, urban environment, visual semiotics, axiology, humanitarian urbanistics, communicative practices, anthropology of city, space, time, values.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31

Гуманитарная эпистема в урбанистике

Город как предмет гуманитарного познания в последние десятилетия стал не менее популярным «персонажем» научной и околонаучной литературы, чем город как сумма искусственных материальных объектов, в большей или меньшей степени связанных между собой. Город как система функционально обусловленных материальных тел и город как культурно-коммуникативная среда, отражающая способ бытия человека, могут быть легко противопоставлены друг другу; можно даже вести речь о том, что в одном и том же городе мы способны обнаружить несколько *различных* городов. Исключают ли друг друга эти два концептуальных прочтения города, конкурируют ли они друг с другом на уровне теории и практики, нуждаются ли они в примирении на почве взаимодополнительности? Проблема сегодня состоит в том, можно ли город как *сумму материальных объектов* интерпретировать в семиотическом ключе. Можно ли взаимно интегрировать материю, функцию и ценность, или мы должны с неизбежностью противопоставлять их друг другу? На мой взгляд, гуманитарная эпистема в урбанистике, если она реализована адекватно, или, иначе говоря, если город действительно выступает в качестве предмета *антропологического* познания, как раз и должна подводить базу под интегральное постижение и переживание города.

В этом контексте большое значение имеет визуальная выраженность антропных параметров города, которые создают сеть маркеров, организующих городское обитаемое пространство как динамичную сферу человеческой коммуникации [см.: Аванесов 2016]. Исследование и практическое формирование визуального городского текста должны вести к более точному пониманию города в его соотношении с опытом и практиками живущих в нём людей, а также способствовать всё большей «соразмерности» города и человека [см.: Горнова 2016]. Визуально-антропологический подход к изучению городского пространства, кроме всего прочего, находится в тренде современных поисков выразительных средств для репрезентации культурной (исторической, этнической, гражданской и локальной) идентичности населения России. Изучение моделей и форм такой репрезентации в процессе продолжающегося формирования российских городских пространств также способствует развитию кросс-культурных коммуникаций, поскольку такое исследование выявляет принципы позитивной «внешней» (адресованной носителям иных культур) демонстрации базовых архетипов, лежащих в основе отечественной культурной традиции.

Очевидные задачи изучения антропных параметров городского пространства определяются перспективой продуктивного сближения семиотики и урбанистики в общем контексте антропологического знания, что даёт реальную возможность теоретического обоснования городской среды как сферы коммуникативного праксиса. Эти задачи таковы:

- формулировка интегральной теоретической модели города как визуально-коммуникативного комплекса (текста, гипертекста, палимпсеста);
- концептуальная систематизация визуальных приёмов и форм организации городского пространства как коммуникативной среды, продуцирующей определённые типы поведения и практик;
- определение происхождения, содержания, структуры и прагматических эффектов концепта «образ города» в прагматических контекстах;
- систематическая дескрипция мотивов, форм и результатов участия горожан в формировании, коррекции и трансформации городского визуального пространства.

Сама постановка таких задач позволяет продуктивно поменять точку зрения на соотношение человека и города, по-иному определив человеческую позицию (не потребление, а производство-

потребление) и дистанцию (активная позиция внутри текста) относительно города и тем самым перевести урбанистический дискурс в антропологическую плоскость. Решение указанных задач позволит создать антропологически ориентированную модель городского пространства, противопоставленную, во-первых, технократическим моделям города и, во-вторых, манипулятивным стратегиям формирования городской жизненной среды.

Результатом исследовательской работы в указанном направлении, как представляется, должны стать новые знания в области изучения человека в контексте современного города и современного города в антропологическом контексте, а именно: специфика, структура и результативность визуально-коммуникативных практик в условиях городской среды; семиотические функции городских пространств в синхронном и диахронном измерениях; экологическая составляющая визуальных параметров города (с точки зрения их позитивного / негативного влияния на практики поддержания человеческой жизнедеятельности); гуманистическая экспертиза визуальных аспектов урбанистической среды с точки зрения их влияния на самочувствие, мировоззрение и идентичность «городского человека».

Последовательная реализация описанной – *гуманитарно-урбанистической* – эпистемической установки позволит осуществить переход от позиции объективизма в исследованиях города к учёту антропных параметров городской среды, формирующихся в актах и процессах человеческого участия. В таком случае мы сможем воспринимать город не как более или менее упорядоченное собрание материальных тел, а как динамичную систему нарративов, репрезентаций и прескрипций, выраженных в пространстве *посредством* этих материальных тел. Город существует в первую очередь как «онтологическая идея, конструирующая и организующая повседневную жизнь людей»; следовательно, «идея города лежит в этом смысле в действительности мышления, а не натуральных форм» [Смирнов 2012, 142]. Фокусировка внимания на ключевых формах человеческого *переживания* города как сферы перманентной культурно-коммуникативной активности даёт возможность формулировать и акцентировать *антропологический* аспект теоретической и практической урбанистики. Кроме того, такая интерпретация города в перспективе позволит вывести теоретический (дескриптивно-аналитический) дискурс на уровень обоснованных суждений оценки наличного состояния городской среды и планирования её будущей позитивной трансформации.

Городское пространство

Город, прежде всего, – это *пространственно структурированная форма совместного существования людей*. Специфика «устройства» городского пространства, связь этого «устройства» с особенностями собственно человеческого способа бытия всё более привлекают к себе внимание исследователей. Для антрополога же важно то, что именно город позволяет наиболее отчётливо увидеть качественные характеристики того пространства, в котором *на самом деле* обитает человек. В недавнее время, пишет об этом Эдвард Соджа, «произошло нечто, что привело к трансдисциплинарному всплеску интереса к городам и критической пространственной мысли, почти одновременному пространственному и городскому повороту» [Сойя 2008, 134]. Возможно, этот поворот (как и многие иные современные повороты) является следствием всё более угрожающего антропно-го и антропологического кризиса, представляет собой одну из попыток противостоять мировоззренческому редукционизму, давно претендующему на то, чтобы в конечном итоге свести человека к элементу «природы», а культуру – к продукту физического мира. Гуманитарная оптика, свойственная подлинной (не-редукционистской) антропологии, позволяет увидеть (особенно на примере города), что пространство – понятие не физическое, а экзистенциальное. Чистое физическое пространство есть абстракция от экзистенциального пространства человеческой жизни и соотносится с последним так же, как соотносится всякая абстракция с реальностью.

Если в сложном комплексе *человеческой* реальности, в том числе и в её пространственном сегменте, мы начнём искать «первичные» элементы, дабы отличить и отделить их от «вторичных», «производных» и «фантастических», то мы окажемся перед необходимостью отождествлять это найденное нами «первичное» пространство («чистое» пространство, пространство «как таковое») лишь с одним из многих измерений человеческой реальности – с «физическим» измерением, которое и будет объявлено «первичным», «исходным». Это не просто редукция сложного к элементарному; это редукция, аксиологически обусловленная, поскольку и её цель, и её результат – наделение *одного* из аспектов реальности статусом наиболее важного, самого подлинного, поистине сущего и т. п. Убеждение в истинности, первичности и «объективности» лишь *одного* из многих аспектов реальности, аналитически отвлечённого от полноты экзистенциальной ситуации человека и гипостазированного в этой

отдельности, – это итог такой *аксиологической редукции*, а вовсе не результат объективного постижения «реальности самой по себе». Именно «физическая реальность», взятая в отрыве от всего сложного, полиаспектного комплекса человеческого существования, и оказывается *фантастической* реальностью.

Кроме того, если наше мировоззрение позволяет нам или даже требует от нас разделять *человеческую культуру* и *физическое пространство* (которое является продуктом условного аналитического «разложения» *человеческой реальности*), то мы получаем, как минимум, две экзистенциальные аберрации. Во-первых, если мы желаем присвоить жизненно необходимое нам пространство, то мы имеем право очистить его от находящейся «в нём» культуры. Пространство ведь создано Богом (или «природой», то есть никем), оно само как таковое – и «до» культуры, и вне культуры, оно не принадлежит никому и способно «вместить» в себя любую культуру и любое общество. В таком случае, отделив в сознании культуру от «места», легко и на практике её уничтожить, дабы это место занять. Во-вторых, обесценивается, становится абсурдным «чувство родины», любовь к своей стране и своей земле. Патриотизм превращается в идиотизм: действительно, чем *эта* «физическая» земля лучше *другой* «физической» земли? Не одно и то же ли небо повсюду? Не одинаково ли повсюду пространство? А если одинаково и гомогенно, то нет никакого смысла заботиться о «родной земле», нет никакой необходимости нести персональную ответственность за состояние жизненной среды. Отсюда вырастают пренебрежение «местом» и акультурный номадизм. В обоих случаях отделение пространства от культуры влечёт и упадок культуры, и деградацию человека.

Пространства нет вне культуры; нет никакого «физического» пространства *до* культуры, «*после*» культуры или *без* культуры. «Люди вообще живут не в натуральной реальности. Они создают конструкции действительности и в них живут» [Смирнов 2012, 144]. Само пространство (как и время) – *культурное* измерение бытия и, соответственно, чисто человеческий способ присутствия в сущем. Поэтому в культурном опыте, по словам А. Лефевра, «пространство-природа (физическое) отдаляется», занимая своё место в *человеческой* картине мира; это место *мифа о природе*, в котором она «превращается в фикцию, в негативную утопию»; при этом «каждая деталь, каждый объект природы приобретают значение в качестве символа» [Лефевр 2002, 29], читаемого лишь из *культурного* контекста. Итак, «физическое пространство» – это та *нечеловеческая* пустота, та неоформленная «тьма внешняя» (Мф 8:12), которая ле-

жит за пределами городской черты и вызывает ужас. Идея города как раз и нужна была человеку «для того, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед Хаосом и пустотой, перед Ничто» [Смирнов 2012, 148]. Физическое (натуральное) пространство «само по себе», угрожающее человеку пустое место, потерявшее свою связь с культурным контекстом, – это абстрактное понятие, образованное путём умозрительного исключения человека (носителя культуры) из *реального* пространства. Иначе говоря, не пространство образуется путём «прибавления» человека к физическому пустому месту, но физическое пустое место возникает в результате «вычитания» человека из пространства. В человеческом опыте пространство первично, пустое место вторично – оно возможно лишь как результат мыслительной операции абстрагирования или как психически переживаемое впечатление.

Физическое место по определению всегда одно и то же, но человек живёт не в таком фантастическом месте, а в реальном человеческом (культурном) пространстве, которое способно трансформироваться, концентрироваться, распространяться, комбинироваться. В одном и том же гипотетически-абстрактном «месте» попеременно или даже одновременно присутствуют разные реальные пространства. Одно физическое место по определению всегда отграничено от любого другого физического места; пространства же могут присутствовать друг в друге или дополнять друг друга. Место – это абстрактная константа, пространство – это реальная переменная. Реальный человек живёт в мире экзистенциальных переменных, а не отвлечённых логических констант.

Пространство культуры заведомо неоднородно, поскольку различные «участки» этого пространство по-разному «нагружены» в семиотическом и аксиологическом смысле; «структурно-функциональная неоднородность» [Лотман 2010, 682] составляет *суть* пространства человеческой жизни. Так, например, Колин Эллард выделяет в городском пространстве «места любви» (дома как пространства проживания), «места страсти» (парки аттракционов, музеи, казино, торговые центры), «места скуки» (функциональная застройка), «места тревоги» (участки массового скопления людей) и «места благоговения» (сакральные и мемориальные сооружения). Каждое из этих «мест» связано с определённым типом человеческого опыта [Эллард 2016] и поэтому формирует пространство *определённой* конфигурации. Различные пространства, в свою очередь, продуцируют различные типы внутреннего состояния и разные стили поведения человека.

Пространство города различимо в себе самом. Этот принцип различимости, пространственной структурности (зонирования) изначально реализуется при формировании городской среды обитания. К сожалению, не все урбанонологи признают этот очевидный факт, и мы до сих пор можем встретить такого рода заявления: «Вплоть до Нового времени Город воспринимался как целое, недифференцированное линейное пространство» [Алебастрова 2013, 163]. Этот тезис абсолютно не соответствует историко-культурной реальности, в частности, опыту создания *всех* исторических городов, изначально воплощавших в себе идею *неоднородности пространства*. Мы должны признать, пишет Альдо Росси, «что пространство обладает качественными свойствами. Именно в этом смысле наши предки признавали священный характер того или иного места» [Росси 2015, 28]. Город формировался вокруг такого священного места как *абсолютной точки отсчёта*, придающей и структурность, и осмысленность всему окружающему ареалу обитания человека. Эта центральная (доминантная) смысловая точка городского пространства всегда визуально выражена, её конструктивный статус оптически подтверждён. «Требуется *знак*, – пишет Мирча Элиаде, – чтобы положить конец напряжённости, вызванной относительно и чувством неуверенности, происходящей от отсутствия ориентиров, одним словом, для того, чтобы найти абсолютную *точку опоры*» [Элиаде 1994, 26]. От этой визуальной опоры выстраивается всё пространство традиционного города; более того, благодаря своему «креплению» к сакральному центру очеловеченное пространство излучается (транслируется) и на окрестные территории [см.: Аванесов 2017 б, 73–74; Аванесов 2018, 76]. Структурность городского пространства, таким образом, выражает собой *человеческий* способ существования (в отличие от гомогенной хаотичности «чистой природы») и *человеческий* образ действия (в отличие от дезориентированной спонтанности «чистого бытия»).

Городское пространство динамично и трансформативно. В нём выражены различные способы и стадии приспособления к ландшафту и его переустройства; успешные и провальные формы поиска идеального расположения объёмов, их протяжённости, высотности и плотности. По справедливому утверждению Л. Мамфорда (*Mumford L. The Culture of Cities*. NY, 1938), «пространство в не меньшей степени, чем время, причудливо реорганизуется в городе, в линиях и контурах стен, в сочетании горизонтальных плоскостей и вертикальных линий, в использовании природных структур или в борьбе с ними» [цит. по: Росси 2015, 232]. Эта история роста и пре-

образования городского пространства через поиск своей совершенной формы продолжается даже в самых древних городах, если в них всё ещё продолжают жить люди.

Илл. 1. Ереван. Фото: Մերում Ուրիշեան. 2016. Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mount_Ararat_and_the_Yerevan_skyline_in_spring.jpg

Наконец, город – это не изолированная система, противопоставленная географической территории вокруг него или «под» ним; но при этом город и не совпадает с такой территорией. В городе *территория* и *пространство* – это не тождественные понятия. Важнейшим структурным элементом города может оказаться объект, территориально не входящий в его «физическую» структуру, но каким-то образом (например, визуально) *организующий* его семиотическое поле. Таким объектом может быть, например, гора, сама по себе имеющая в культурном пространстве символическую функцию – как знак связи неба и земли [Элиаде 1994, 31]. К примеру, гора Арарат территориально, *по месту нахождения* не принадлежит Еревану (и даже Армении), но визуально присутствует в пространстве города [Степанян, Симян 2012, 7] как его важнейший компонент и доминирующий культурный ориентир (илл. 1). То же пространственное значение имеет и Фудзияма для всякого населённого пункта, из которого она видна и в пространство которого она, таким образом, входит. И таким же образом в пространство дома или квартиры входит вид из окна; этот вид продаётся вместе с квартирой и, соответственно, либо повышает, либо понижает её стоимость [ср.:

Аванесов 2018, 73]. Опыт включения территории или физического объекта в культурный контекст обеспечивает им статус структурных элементов обитаемого, *человеческого* пространства. Город не отрицает эти объекты как чуждые себе, но и не редуцируется к ним.

Время в городском пространстве

Человек – *историческое* существо; он сбывается (становится собой) во времени. Городская среда соответствует человеку и в этом отношении: она хронически подвижна, она тоже несёт в себе и визуально демонстрирует свою историчность. В культурном пространстве города различными способами репрезентировано историческое время. Более того, город, как он сформировался в течение истории, есть *наглядный образ примирения времени с пространством*. Город демонстрирует совмещение в едином пространстве разновременных явлений (илл. 2). Здесь пространство выступает в качестве способа упорядочения времени: в городском пространстве каждому времени истории города находится своё место. Город формируется как *визуальная автобиография* городского сообщества в его истории; в нормально функционирующем городе эта история не только актуальна, но и *перспективна*, открыта в будущее. В противном случае, когда такой открытости не наблюдается, биография города легко может превратиться в его некролог.

Илл. 2. Москва. Вид с Большого Москворецкого моста.
Фото: С. С. Аванесов. 2018

На том же принципе пространственного упорядочения времени построен любой музей. Однако музейные экспонаты исключены из течения жизни, законсервированы и изолированы в границах выставочного пространства. Город, в отличие от музея, не только демонстрирует артефакты и визуально информирует о своём прошлом, но и органично включает памятники и исторические районы в реальные жизненные процессы. Безусловно, «фиксированные и мёртвые географии» не могут формировать «динамическое развитие социальных процессов» [Сойя 2008, 134]; только понимание пространства как социально производимого и воспроизводимого конструкта [ср.: Лефевр 2002, 27] может инициировать эти процессы. Прошлое всякого *нормального* города всегда наглядно «встроено» в современность. Эталонный пример такого города – Оксфорд, сочетающий в себе богатейшее архитектурное и планировочное (в том числе и средневековое) наследие с высочайшего уровня инновационными научно-образовательными достижениями. Когда же городское историческое наследие начинает восприниматься как «архаика», подлежащая уничтожению во имя «инноватики», тогда город лишается своей культурной идентичности и превращается в географическую «территорию», за пределы которой постоянно выталкивается его собственное прошлое.

Город, отрицающий и пожирающий сам себя, *никогда* не станет самим собой, а городское сообщество в таком городе никогда не сможет обрести идентичность. Если процесс формирования городского пространства относится к явлениям *культуры*, а не «природы» и не «технологии», то этот процесс должен происходить по модели *прироста*, а не «прогресса». Время культуры – это *растущее* время, это делящаяся, прирастающая история, в которой всякое прошлое в любой момент актуально, а понятие «мы» не ограничивается ныне живущим поколением. Культурное прошлое, в отличие от «физического» прошлого, никогда не исчезает из опыта, оно всегда присутствует в нём, являясь его обязательной частью. Сознание, лишённое культурного опыта прошлого, теряет своё историческое – подлинно человеческое – измерение; носитель такого сознания выпадает из «большого времени» культуры, утрачивает идентичность и легко превращается в элементарный объект манипуляций. Отношение к городу как к *сложному пространственному комплексу, существующему в большом времени культуры*, даёт его обитателям возможность формировать и позитивно переживать свою – личную и общественную – идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории.

Илл. 3. Томск. Степановка. Памятник Ленину.
Фото: С. С. Аванесов. 2014

События, произошедшие во времени, закрепляются в городских пространственных локусах, которые становятся наглядными *формами* этих событий, «удерживают» их в культурно-историческом пространстве города. «Иногда эти факты продолжают существовать и сохраняются как есть, иногда они исчезают; тогда сохраняется устойчивость формы, физических знаков, *локуса*» [Росси 2015, 65], указывающего собой на нечто, происходившее в этом месте. Конфигурация пространства становится знаком исторического события, выражает его собой. Так, воротная башня давно скрытой цитадели «сигнализирует» о событиях, которые решали судьбу города именно в этом месте; квадратные пустые площади напоминают о военных парадах имперской эпохи и т. п. Пространство простирается, но память не стирается. Иногда обитаемое пространство разрывается такими локусами, продуцируя зоны остановки времени [Аванесов 2017 а, 45–46], исключённые из порядка современных

событий (илл. 3); бывает, что такие локусы и их «физические знаки» визуально вовлекаются в новые контексты, тяряя при этом свой изначальный символический смысл или приобретая ностальгические «обертоны» (илл. 4).

Илл. 4. Томск. Комсомольский проспект.
Фото: С. С. Аванесов. 2015

Визуальная и ономастическая организация городского пространства подключает к современности многочисленные «вненаходящиеся» культурные, исторические (ретроспективные) и духовные реалии. Поэтому зритель (или «читатель») такого текста «в состоянии заключать в своей обратной перспективе всё значимое, случившееся как с ним, так и с его предшественниками»; при этом – потенциально – «читатель обретает возможность стать соавтором Города» [Степанян, Симян 2012, 12], поскольку он имеет возможность прочитывать локальный текст в контексте своего индивидуального опыта.

Временной параметр городского пространства (историческая «глубина» видимого урбанистического ландшафта) напрямую определяет результат нашего взгляда на город. Действительно, восприятие города может происходить по трём «парадигмам»: а) воспринимается только настоящее, как оно «есть», как оно видится с точки зрения заезжего равнодушного туриста; б) воспринимается настоящее, включающее прошлое, благодаря чему город переживается не как плоский наглядный факт, а как итог исторической динамики, как результат тех процессов, которые создали его «глубину», читаемую под «поверхностью»; в) воспринимается настоящее, включающее прошлое и будущее, что позволяет видеть город не только в его истории, но и в его «выступании вперёд себя» (если использовать известный онтологический концепт М. Хайдеггера), в его *продолжительности*. **То, что видно, зависит от того, как смотреть.** Полное видение зависит от культурной апперцепции видимого. Физически видимое, таким образом, отличается – в худшую сторону – от видимого в культурном контексте или в аспекте «большого времени», придающего видимому исторический «объём». Для восприятия города важна не только его в данный момент видимая форма (внешность), но её протяжённость во времени, её ретроспектива и перспектива и, соответственно, её значение в общем образе города, её важность для сохранения городской среды, её культурная и нравственная *ценность*.

Пространство-время ценностей

Отношение к ценности как *норме бытия* лежит в основании культурной деятельности человека. Любая развитая теория ценностей утверждает, что «только благодаря принципу ценности становится возможным отличить культурные процессы от явлений природы» [Риккерт 1998, 93]. Урбанистика как теория и практика создания городских пространств имеет непосредственное отношение к аксиологии, поскольку она «напрямую затрагивает не только материальную структуру города, но и наше представление о городе как выражении определённого набора ценностей» [Росси 2015, 179]. Ценностная «неравномерность» городской среды очевидна. В одних районах города жить «престижно», в иных зачастую не хочется жить вовсе. Значительность зданий (размеры, отделка) как правило выражает их значимость. Пространственный центр города занимают те сооружения, которые репрезентируют его «лицо». Ансамбле-

вую застройку города создаёт в том числе и «функциональная неоднородность» зданий, выражаемая в их внешне фиксированном «ранге»: «монументальные, культовые, сакральные, государственные здания воздвигались принципиально иначе, чем служебные, жилые, несакрализованные здания, окружающие их. И это прямое следствие распределения на аксиологической шкале культуры» [Лотман 2010, 682]. В основе конструирования городского пространства лежат представления людей о важнейшем и предпочитаемом. При этом, с точки зрения прагматики, аксиология города проявляет себя в двух аспектах.

С одной стороны, город с помощью своей структуры и своих материальных форм *выражает* определённые культурные ценности и свидетельствует об определённых представлениях о прекрасном, совершенном, гармоничном и т. п. С этой точки зрения, *семиотическое* осмысление города предполагает его «прочтение» как репрезентативного «текста» или «сообщения», состоящего из отдельных «знаков» (в том числе и *визуальных*); *семантическая* трактовка города имеет дело с городом в целом как сложным «знаком», указывающим на определённый смысл (отличный от знаков «село» или «природа» и т. п.); *эстетический* подход к городу предполагает его восприятие в качестве источника чувственного впечатления. В любом случае, город демонстрирует своими формами нечто *значимое* для человека. Именно «совокупность этих смыслов и ценностей, в том числе и памяти, составляет структуру фактов городской среды», – пишет Альдо Росси. Действительные культурные ценности «не имеют ничего общего ни с распределением, ни с функцией как таковыми»; кроме того, единственным «посредником между функционированием и структурными схемами может выступать только форма» [Росси 2015, 163], делающая ценности и смыслы *видимыми*. Такое отношение к городу предполагает «интеллектуальное прочтение социальной среды», производимое методом «анализа и реконструкции текстовых блоков современного города» [Степанян, Симян 2012, 6]. В повседневных практиках такое «считывание» происходит стихийно и регулярно.

С другой стороны, город функционирует как визуальная среда, *продуцирующая* определённые впечатления, состояния, мотивации и практики человека – обитателя этой среды. «Как утверждается в многочисленных исследованиях, – отмечает Виктор Бюхли, – дома и здания создают людей»; автор этого тезиса специально изучал такие работы, «чтобы наиболее полно обобщить комплекс исследований архитектурной формы с точки зрения антропологии»

[Бюхли 2017, 6], сформулировать способы, «с помощью которых архитектура создаёт людей» [Бюхли 2017, 13]. Формирование человека средствами архитектуры осуществляется за счёт того, что именно архитектура материально воплощает «модели разумно и гармонично организованной среды, в которых овеществляются принятые обществом ценности» [Иконников 2006, 11]. Поэтому в данной сфере урбаниологии интересы антрополога и архитектора должны совпасть; эти интересы фокусируются «на способе, с помощью которого материальные формы – и, в частности, архитектурные формы и материалы – иницируют и составляют основу определённых форм социальной жизни и, вместе с тем, определённых форм социального существования и индивидуальности» [Бюхли 2017, 91], то есть аксиологически определяют жизненные стратегии людей.

Настоящий архитектор-градостроитель, по убеждению А. В. Иконникова, «основывает свою деятельность на ценностных ориентирах, что исключает количественные характеристики качества» [Иконников 2006, 13–14]. Город планируется и формируется с ориентацией на господствующие в тот или иной период ценностные установки, какими бы они ни были (от теургических до утилитарно-функциональных), но всегда – именно на них. Как пишет В. В. Вагин, «на протяжении десятилетий российские города строились, реконструировались, функционировали на основании жёстко заданных идеологических конструкторов»; их центры были приспособлены «для митингов и демонстраций», а не для отдыха горожан [Вагин 2000, 4–5], поскольку идеологическое ликование ставилось выше «аполитичного» отдыха. Отсюда следует, что одной из приоритетных областей урбанистики и архитектурной теории должны быть «аксиологические аспекты архитектуры (включая художественную ценность как интегральный критерий качества)» [Иконников 2006, 16], постановка и решение вопросов о ценностных параметрах организации городского пространства.

Конкретная практика конструирования города несёт на себе признаки аксиологической мотивации; «спроецированная на проблемы предметно-пространственной среды», такая практика «направляет целеполагание средоформирующей деятельности, основываясь на человеческих потребностях и предпочтениях» [Иконников 2006, 15]. Эти предпочтения не могут быть определены как чисто утилитарные, определённые исключительно способностью объектов удовлетворять физические потребности обитателей города. Чистый функционализм, особенно возведённый в ранг *урбанистического идеала*, отрицает способность городской среды выражать

культурные ценности. Поэтому, по мнению А. Росси, «можно критиковать романтический социализм, разнообразные идеи самодостаточных общин и фаланстеры. Они допускают и утверждают, что общество больше не способно выражать (с помощью архитектуры. – С. А.) высшие ценности или даже просто общие ценности, отражающие его характер; кроме того, они предполагают, что узко утилитаристское и функциональное понимание города (жильё и услуги) является “современной” альтернативой прежнему пониманию» [Росси 2015, 175]. Такая «альтернатива» ведёт к эстетическому и семиотическому вырождению городской среды, к деградации архитектурных практик до уровня «застройки территорий» и, следовательно, к подавлению собственно человеческих форм идентичности и деятельности.

Поскольку же «физическое» представляет собой элемент культуры, постольку вместе с упадком культуры деградирует и физический аспект существования: чистая функциональность, лишённая трансфизического измерения, теряет смысл, минимизируется и оказывается под большим вопросом. Поэтому вполне справедливо Альдо Росси определяет базовые характеристики городской среды как *синтез функций и ценностей*: при анализе городской структуры «мы имеем дело не с чисто функциональным разделением, а с описанием города через его части, формы и свойства, а ведь эти свойства представляют собой синтез функций и ценностей» [Росси 2015, 83]. И ценностные различия, формирующие жизненные ориентиры, и «функциональная неоднородность» (Лотман) одновременно влияют на облик городского пространства, взаимно дополняя друг друга. Действительно, текстуальность города можно понимать как реализацию семиотической функции, его архитектурно-стилистическую системность – как реализацию эстетической функции, структурный каркас его сакральных доминант – как реализацию идеологической функции; такая «аксическая» функциональность несколько не хуже утилитарной полезности и даже хронологически ей предшествует.

Аксиология городских пространств в их различных «номинациях» формирует эти локусы таким образом, чтобы в масштабе общего пространства города они могли стать пространствами солидарности. Ценности 1) социальной памяти, 2) национальных традиций, 3) культурной истории, 4) гражданской идентичности, 5) личной жизни, 6) конструктивного развития через культурную аккумуляцию ориентируют на такую солидарность как интегральную цель. Названные ценности способны объединять как простых горожан, так и работников городских администраций в их деятельности по

визуальному конструированию городского пространства. На этом пути может быть преодолен известный контраст между планомерной «кибернетической» деятельностью администраций и стихийным творчеством жителей. Пока что ещё довольно силен «контраст между частным и общим, индивидуальным и коллективным», который «обнаруживается в устройстве самого города: в его архитектуре. Этот контраст <...> проявляется в разных аспектах, в отношениях между частной и общественной сферой, в различиях между рациональным проектированием городской архитектуры и ценностью отдельных *локусов*» [Росси 2015, 16], предпочитаемых их обитателями или любителями.

Достижение аксической солидарности горожан в значительной степени затруднено самим характером ценностей, а именно – их рационально-иррациональным характером. Мы, пишет Росси, «не можем пойти дальше ценности образов, словно окружение этих образов вовсе не поддаётся позитивному анализу. И, может быть, единственное, что нам остаётся, – это просто признать значимость *локуса*, потому что такое понимание места и времени, кажется, невозможно выразить рационально, хотя оно включает в себя ряд смыслов, выходящих за пределы чувств, которые мы испытываем в связи с ними» [Росси 2015, 142]. Многие ценности находят себе спонтанное выражение в визуальных параметрах городской среды, либо ещё не будучи рационально осмысленными, либо уже будучи отвергнутыми строго рациональным мышлением как «устаревшие» или «отжившие».

Один из способов спонтанного выражения ценностей и глубинных культурных кодов – «рациональное и эстетическое оформление среды социального обитания» [Степанян, Симян 2012, 8]. Важнейший признак заинтересованности горожан в такого рода социальных процессах – их личное участие в формировании и маркировке городских пространств [см.: Аванесов 2017 а]. Город в любой момент своей истории представляет собой «продукт» такого гражданского сотворчества (илл. 5), такого длящегося *синойкизма*, который «не ограничивается временем формирования города, а считается непрерывным и крайне политизированным процессом городского роста и развития, динамичным процессом, который предлагает постоянно развивающийся источник стимулирования социальной синергии»; при таком подходе *синойкизм* включает в себя и «творчество», и «новшества», и «территориальную идентичность» [Сойя 2008, 131–132]. История города протекает как многообразная «репрезентация акторов в публичном пространстве» [Вагин 2000, 9],

формирующая это пространство. Город и человек, по выражению С. А. Смирнова, «растут друг через друга»; именно поэтому мы можем говорить «о выстраивании культурного пространства города» [Смирнов 2012, 142], размеченного ценностными ориентирами.

Илл. 5. Томск. Детская площадка на Иркутском тракте.
Пример городского «синойкизма». Фото: С. С. Аванесов. 2015

Итак, мы видим, что три неотчуждаемых параметра человеческого существования находят выражение в фундаментальных принципах организации городской среды: а) нормативность (ценностная ориентация бытия), б) временность (историчность), в) пространственность (смысловая расположенность). Можно с уверенностью констатировать, что *подлинная урбанистика – это антропология*. Город (как и мир в целом) есть человеческое «тело» (внешнее расширение внутреннего «я», субъекта); тело же входит в понятие человека, в его бытие. Пренебрежение телом (античная философия, гностицизм и пр.), разделение души и тела (я и моё) в конечном счёте выражается в экологической деградации жизненной среды и городского жизненного пространства. Не вполне вменяемый человек (или философ-спиритуалист) может относиться к своему телу или его части как к чему-то постороннему, добавочному, как к обузе,

а не предмету заботы и неустранимому фактору личного существования. Напротив, забота о теле (*аскетика*) включает в себя и заботу о мире, в том числе и о городе. Урбанистическая аскетика (в христианском смысле термина) есть постоянное «участное» (М. М. Бахтин) внимание к городу, основанное на первичном отношении к нему как к *собственному* телу. В этом участном отношении яснее всего явлена коммуникативная суть человеческого бытия: город – это коммуникативное тело человека, позволяющее ему *быть собой*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 – Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспективы исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов 2017 а – Аванесов С. С. Томск: визуальное конструирование локальных городских пространств // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1 (11). С. 41–47.
- Аванесов 2017 б – Аванесов С. С. Иерусалимская топка: Западная Сибирь / Нижняя Силезия // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 65–89.
- Аванесов 2018 – Аванесов С. С. Сакральная топка русского города (5). Собор и ворота // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (14). С. 70–92.
- Алебастрова 2013 – Алебастрова А. А. «Другой» в жизненном пространстве города // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 162–167.
- Бюхли 2017 – Бюхли В. Антропология архитектуры. Харьков, 2017.
- Вагин 2000 – Вагин В. В. Российские города: новые подходы к изучению // Российское городское пространство: попытка осмысления. Москва, 2000. С. 4–12.
- Горнова 2016 – Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: категорический императив градостроительства // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 22–25.
- Иконников 2006 – Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. Москва, 2006.
- Лефевр 2002 – Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. С. А. Эфирова // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 27–29.
- Лотман 2010 – Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2010.

- Риккерт 1998 – Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва, 1998.
- Росси 2015 – Росси А. Архитектура города / Пер. с ит. А. Голубцовой. Москва, 2015.
- Смирнов 2012 – Смирнов С. А. Антропология города // Человек.ru. 2012. № 8. С. 136–151.
- Сойя 2008 – Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 130–140.
- Степанян, Симян 2012 – Степанян А. А., Симян Т. С. Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца) // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 6–16.
- Элиаде 1994 – Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр. Н. К. Гарбовского. Москва, 1994.
- Эллард 2016 – Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Пер. с англ. А. Васильевой. Москва, 2016.

Материал поступил в редакцию 03.06.2018